

20 августа 1981 г. ● № 191 [7642]

КРУГ ЧТЕНИЯ

ПРОЖИТАЯ ПОВЕСТЬ

Эта повесть с первых же страниц нашла точки соприкосновения с моей душой, с моей биографией, с моими далекими годами войны, именно моими, хотя они были похожими на тяжкие годы войны всех ребят моего поколения. И хотя я не искал прямых совпадений моей биографии и биографии главного героя этой повести — рядового войны Василия Гурина, что-то заветное, глубинное меня с ним сразу же породнило.

Нам, людям, дышавшим воздухом тех военных дней, очень легко отличить правду о войне от выдумки, даже если она и талантлива. Повесть Михаила Колосова — это правда о войне. Такую повесть надо было прожить, метр за метром отшагать, проползти на живот, пробежать под свистящими рядом пулями, а потом уже написать.

Читаешь эту талантливую повесть, возвращаешься мысленно к тем далеким дням и невольно думаешь: какие невероятные внутренние резервы скрыты в человеке, какой неведомый ему

запас сил таится в нем, если молодой, необстрелянный паренек, вчерашний школьник Вася Гурин, в первых боях изведавший знобящее чувство страха, да такое, что хоть бросай винтовку и беги куда-то прочь, сломя голову, впоследствии не однажды раненный, становится на войне хозяином положения, обретает верных, надежных друзей, испытывает первые радости, первую любовь.

При всей трагедийности ситуаций повесть Михаила Колосова «Три круга войны» глубоко оптимистична. Да, война страшна. Но человек сильнее войны. Мне кажется, эта мысль актуальна и сегодня, в мирное время, когда угроза новой войны нависла над земным шаром. Человек сильнее войны — в повести Михаила Колосова это не декларация. Весь ход повествования, точные детали каждодневного нелегкого солдатского быта создают у читателя этот оптимистический настрой.

Подробно, обстоятельно, неторопливо, в присущей ему внешней неброской манере описывает Михаил Колосов буквально каждый шаг своего героя по изрытой войной земле.

Близкие разрывы мин, холодящий душу вой. Каша в котелке, перемешанная с землей. У самой головы слева и справа противно взвизгивающие пули. Спасительная воронка, где можно хоть на секунду укрыться, упасть, прижаться к земле. И дальше, дальше — так от небольшого поселка на Украине до самого Берлина.

В центре повествования — характер самого Гурина.

Что-то есть в нем по-детски трогательное, чистое, доверчивое. Эта доверчивость сказывается в его отношениях с младшим лейтенантом Шурой Боярской — первой любовью комсорта учебного батальона Василия Гурина.

Эта взаимная, как кажется Гурину, любовь возникла на фронте внезапно, одарила их своим чудом, которое особенно радостно и невероятно здесь, на смертельной войне.

Гурин просто не подозревает, что если так ее любит он, она может любить его как-то иначе, меньше, чем он, или совсем не любить, не подозревает, что она может быть не такой, какой он себе ее представляет.

Я ощущаю Гурина как бы в двух измерениях: наивный, простодушный, застенчивый паренек и великий труженик — солдат, выигравший самую кровавую в истории человечества битву, мужество которого мы воздвигаем памятники!

Николай ДОРИЗО.